Андрей

ДЫШЕВ

Тот, кто скрывается во мне

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Андрей Дышев

Тот, кто скрывается во мне

«Автор»
2014

Дышев А. М.

Тот, кто скрывается во мне / А. М. Дышев — «Автор», 2014 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-69498-3

Самый надежный партнер – это бывший одноклассник. Так думал начинающий бизнесмен Сергей Савельев, когда покупал у своего бывшего одноклассника Витьки Чемоданова диссертацию. Зачем бизнесмену диссертация? Да затем, чтобы в глазах своего будущего тестя, почтенного профессора, выглядеть более презентабельно. Но самым привлекательным в этой сделке было то, что Чемоданов отдал свой научный труд всего за три бутылки пива! Не торговался Витька потому, что давно завязал с наукой и спился: для него выпивка стала главной ценностью. Савельев уже приготовился примерить на себя ученую степень кандидата наук, как вдруг выяснилось, что в диссертации не хватает сущего пустяка – нескольких страничек с выводами. Но разве это серьезная проблема? Витька Чемоданов напишет! За ящик водки точно напишет. Ну, если не за ящик, то за два… Или за три… Но поведение бывшего одноклассника вдруг начинает в корне меняться: Чемоданов выдвигает Савельеву такие условия, что молодой бизнесмен с ужасом понимает: начинается игра ва-банк и на кон поставлена его жизнь…Ранее роман выходил под названием «Однокла$$ник, который знал все»

ISBN 978-5-699-69498-3

© Дышев А. М., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Андрей Дышев
Тот, кто скрывается во мне

Глава 1
Представительница древнего рода

– Аристарх Сазонович…

– Софронович!

И что за имя у старика! Никак не запомню. Я постарался придать голосу оттенок торжественности:

– Аристарх Софронович! Я и Настя любим друг друга и хотим создать семью. Я прошу руки вашей дочери.

Вот и все. Красиво и коротко. Дело в шляпе.

Отец Насти, шестидесятилетний академик и профессор филологии, словно вывалился из какого-то старого кинофильма. Он ходил по комнате в длинном стеганом халате, шаркал тапочками по скрипучим половицам и пыхтел трубкой. Он долго молчал. Не думаю, что моя просьба застала его врасплох. Я достаточно часто бывал в его доме, и профессор не мог не предполагать, к чему это в конце концов приведет.

– Для вас, молодой человек, знакомство с Настей – это незаурядное событие, – менторским тоном сказал он. – Вам посчастливилось обратить на себя внимание представительницы древнего и весьма почтенного рода.

Кажется, папаша начал набивать цену. Естественно, все родители переоценивают своих чад.

– Ведь вам даже в голову прийти не могло, – продолжал он, – что мой дед, Алексей Спиридонович, имел честь работать в Главной палате мер и весов под началом Дмитрия Ивановича Менделеева. А мой отец, да будет вам известно, был другом Отто Струве и в двадцатом году лично провожал его на теплоход, отбывающий в США…

Я все больше расслаблялся на диване, смотрел на старика преданными глазами и с трудом сдерживался, чтобы не зевнуть. Притомил он меня своей рекламной паузой! Настя сидела на стуле в противоположном углу комнаты, сложив ладони на коленях лодочкой, и делала страшные глаза. Но я, хоть убей, никак не мог состроить на лице умное выражение. Папаша моей возлюбленной оказался редкостным занудой.

Он подошел к столу и принялся выбивать трубку в пепельницу.

– А потому, – наконец завершил он рекламную паузу, – знакомство с Настей и тем более женитьба на ней вас ко многому обязывают… Первый вопрос: чем вы думаете зарабатывать на жизнь, молодой человек?

«Если я не проявлю настойчивости, то Насте придется долго сидеть в девках, – подумал я. – Но ничего. Сейчас я поставлю папашу на место».

– На сегодняшний день, да будет вам известно, я заместитель директора фирмы «Гормашнас», – произнес я не без гордости. – У меня приличный оклад и более тридцати человек в подчинении.

Папаша повернулся ко мне, нацепил на нос очки и принялся рассматривать меня с каким-то лабораторным интересом.

– Очень хорошо, – произнес он с едким сарказмом. – Простите, не расслышал, как ваша фирма называется? «Мышдурнос»?

– «Гормашнас», – повторил я, чувствуя себя незаслуженно обиженным. «И чего он иронизирует? Пусть лучше про свой оклад скажет. Я бы от стыда удавился, если бы работал в Академии наук с окладом в одну тысячу рублей».

– А позвольте узнать, что ваша фирма производит?

– Мы продаем насосы, – ответил я с достоинством. – В том числе и для нефтяной промышленности. Надеюсь, вы представляете себе, что такое нефть?

– Ага, – кивнул старик. – Распродаете то, что было создано великой Российской империей. Вы, как пиявки, сосете кровь у умирающей акулы. Бьюсь об заклад, что вы даже в общих чертах не представляете себе устройство насоса для ассенизатора. Зато с важным видом катаетесь на своем дорогом автомобиле и с презрением смотрите на обнищавшую интеллигенцию.

– Но продать тоже надо уметь… – заметил я, но старик не стал меня слушать.

– Если научить обезьяну продавать бананы, она станет миллионершей очень скоро и разорит человека, – сказал он и погрозил мне пальцем. – Потому что она ловчее лазает по деревьям… Вот если бы вы сказали, что возглавляете конструкторское бюро по созданию насосов нового поколения, я бы с открытым сердцем пожал вам руку.

– Папа! – заступилась за меня Настя. – Нельзя же так! Он уже покраснел!

– Это хорошо, что покраснел. Значит, еще не огрубел окончательно и мои слова вызывают в нем сильные эмоции. – Он снова повернулся ко мне. Я втянул голову в плечи, готовясь к новой атаке. – Теперь второй вопрос: ваше образование? Какое учебное заведение вы окончили?

Видимо, он решил унизить меня окончательно. При чем тут образование? Сейчас спрашивают о толщине кошелька, а не о дипломах.

– Я окончил только среднюю школу, – небрежно произнес я. – Потом посещал курсы…

– Стоп! – перебил меня профессор и показал мне свою ладонь, будто хотел отгородиться от моих слов. – Можете не продолжать. Мне все ясно. Вот! Вот в чем кроется корень всех наших бед! Сегодня вы заместитель «Мышнавоза», а завтра? А если в стране переворот? А если вас выкинет на необитаемый остров? Что вы еще умеете делать, кроме того как спекулировать? Как вы будете содержать семью, поднимать на ноги своих будущих детей?

Я стал злиться. И что этот нафталин из себя корчит? Кто он такой? Подумаешь, академик! Быть нищим академиком позорнее проститутки.

– Вы меня, Аристарх Софронович, совсем опустили, – произнес я, не скрывая иронической усмешки. – Не такой же я инфантильный, каким вы меня представляете. У меня дорогая машина. Я купил вторую квартиру, где намерен жить с Настей. Я работаю в преуспевающей фирме. Меня очень ценит мой директор. А это о многом говорит. Это гарантия материального достатка в будущем.

Профессор посмотрел на меня так, словно я был неразумным дитятей.

– Гарантия? – с едкой иронией повторил он. – Какие же вы, молодые, самоуверенные! А если вас сровняют с землей конкуренты и ваша фирма разорится? А если вы, извиняюсь, тяжело заболеете, вас уволят и вашу квартиру придется продать, чтобы сделать вам дорогостоящую операцию? А если вас посадят в тюрьму по ложному доносу?.. Да вы даже не представляете себе, сколько в жизни может быть этих «если»!

– Папа! – воскликнула Настя. – Немедленно прекрати унижать Сергея! Он уже глаза от стыда поднять не может!

Старик добродушно рассмеялся.

– Ничего, критика пойдет ему на пользу… Не обижайтесь на меня, молодой человек. Возможно, на старости лет я стал брюзгой. Но во мне говорит житейская мудрость. И еще во мне говорит чувство долга и ответственности за Настю. Это хрупкое и легкоранимое существо. И я пока не уверен, что вы способны обеспечить ей счастливую семейную жизнь. Но дерзайте! Она вас подождет и с лихвой отблагодарит за ваше усердие.

Я вздохнул с облегчением, когда мы с Настей уединились в ее комнате.

– Кажется, – сказал я, ослабляя галстук, который тугой петлей сжимал мою шею, – твой папочка намерен стоять насмерть. Вот уж не думал, что в наше время еще можно найти такое ископаемое! Неужели материальное положение его совсем не интересует и он с радостью выдал бы тебя за нищего с дипломом в кармане?

– Увы, – ответила Настя с грустью и опустила руки мне на плечи. – Как-то ко мне набивался в женихи один тип из модельного бизнеса. Образование – восемь классов, зато своя вилла в Подмосковье. Так папа с ним вообще разговаривать не стал, сразу за дверь выставил… Ты очень расстроился?

– Не то слово! – ответил я. – Придется пополнить строй великих ученых.

– У-у! – протянула Настя и рукой махнула. – Тогда мне точно не дождаться венца. Пропала личная жизнь!

С этими словами она схватила меня за лацканы пиджака и, падая спиной на кровать, увлекла за собой.

– Ты что?! – зашипел я, отчаянно сопротивляясь неуемной страсти профессорской дочери. – Я так не могу… Вдруг он зайдет!.. Надо дверь хотя бы…

Видел бы нас в этот момент ее папа!

Потом я торопливо, как солдат по тревоге, напяливал брюки, прыгая на одной ноге. Настя лежала с закрытыми глазами, чтобы не видеть мою неромантическую суету и торопливость.

– Давай уедем, – тихо сказала она.

– Куда?

– За границу.

– Сейчас в Европе холодно. Разве что в Египет?.. А как же твои занятия?

– Ты меня не понял, – по-прежнему не открывая глаз, сказала Настя. – Я хочу уехать за границу навсегда.

– Ага, – кивнул я, затягивая галстук. – А кто нас там ждет?

– Это уже второй вопрос. Главное, чтобы ты согласился.

Я накинул пиджак и, поправляя рукава, подошел к дивану.

– Настя, – сказал я. – Это невозможно. У меня здесь бизнес. Я делаю ремонт в нашей квартире… И вообще, я не хочу никуда уезжать! Это моя страна, моя родина, в конце концов!

Настя открыла глаза, повернулась ко мне, взяла мою руку, поднесла к губам.

– Я с родителями больше половины жизни прожила в Германии. Так где моя родина – здесь или там?

– Вот если у меня будет ребенок, то пусть он живет за границей, – сказал я твердо. – А я опоздал с великим переселением. Мне здесь жить и здесь умереть.

Я даже не догадывался, что во мне так прочно сидят патриотические чувства.

Глава 2
Пьющий, безработный, бедный

Я встретил Настю после занятий. Мы сели в мой «аудишник», я включил обогрев салона и музыку. Мы курили и думали.

– Отец поставил вопрос ребром, – тихо сказала Настя. – Говорит: «Или ты выйдешь замуж за образованного человека, или не выйдешь вовсе».

Я любовался ее профилем, чуть освещенным золотистым светом приборной панели. Идеально ровные, кукурузного цвета волосы (натуральная блондинка!) спадали на плечи, как Ниагарский водопад.

– Не драматизируй, – сказал я. – К счастью, теперь за деньги можно все. Твой папа хочет, чтобы у меня был диплом? Будет диплом. Может быть, даже красный.

– Диплома мало, – покачав головой, ответила Настя. – Он хочет, чтобы ты вдобавок к диплому получил ученую степень.

– А это еще что такое?

– Стал кандидатом наук.

Я выкинул окурок в окно, приглушил музыку и внимательно посмотрел на Настю.

– А он не хочет, чтобы я стал нобелевским лауреатом? В принципе, и это возможно, только придется много заплатить.

Настя посмотрела на меня. Ее веки были наполовину прикрыты. Взгляд спокойный, ровный, но в нем угадывалась бунтарская самоотверженность.

– Хочешь, я поругаюсь с ним и уйду из дома?

Такой решительности я от Насти не ожидал. Мне стало ее жалко. Я привлек ее к себе и обнял.

– А зачем ругаться с моим тестем? – ласковым голосом спросил я. – Его надо любить и уважать. И еще считаться с его маленькими капризами. Стану я кандидатом наук. Завтра к вечеру. От силы – послезавтра.

– И как ты это сделаешь? – спросила Настя.

– Очень просто. Я выйду из машины и спущусь в метро. Там можно купить какой хочешь диплом. О том, что я окончил вуз. И о том, что я кандидат наук. Можно купить даже свидетельство о том, что я дальний родственник Ньютона.

Настя отрицательно покачала головой:

– Нет, отца на этом не проведешь. Он сделает запрос в вуз, где якобы проходила защита, и получит ответ, что никакую диссертацию ты не защищал.

Я воспринял скептицизм Насти с легкой иронией.

– Милая моя, – нежно сказал я. – Все покупается и продается. Везде берут взятки. И в ученом совете тоже.

– Но, кроме взятки, ты должен принести туда что-то отдаленно напоминающее диссертацию, – ответила Настя, глядя на трактор, который загребал снег ковшом. – Должен быть научный труд. Плохой, слабый – это второй вопрос. Но сначала должен быть текст, который в ученом совете засчитали бы как диссертацию.

Трактор осторожно объезжал припаркованные у обочины машины. Какой-то отчаянный пацан ухватился за буксировочный крюк и стал скользить за трактором на ботинках. Молодая парочка стояла под грибком на детской площадке, подняв, как кубки, пластиковые стаканчики. Девушка о чем-то громко и эмоционально говорила. Парень слушал-слушал, потом не выдержал и выпил без команды. Рядом с ними ковырялся в снегу малыш в пуховике. Ему было скучно, он просился то в туалет, то домой, но родители его не слушали.

– Где же мне взять такой текст? – спросил я.

– Кто-то рассказывал, – сказала Настя, – что можно нанять людей, которые за деньги возьмутся писать диссертацию на любую тему.

– Что ж это за люди такие, которые могут написать диссертацию?

– Невостребованные специалисты, – ответила Настя. – Сотрудники развалившихся НИИ, безработные преподаватели.

Настя оживилась, стала рассказывать с увлечением:

– К отцу постоянно ходят всякие подозрительные типы, похожие на бомжей. Просят его, чтобы помог устроиться на преподавательскую работу. Один меня вообще чуть до смерти не напугал: грязный, оборванный, рот беззубый, из кармана пальто бутылка торчит. А как папа представил его, так я чуть с лестницы не упала: доктор филологических наук, профессор кафедры русского фольклора! Представляешь?

– Отлично! – обрадовался я. Проблема, как я и думал, не стоила выеденного яйца. – Ставлю тебе задачу: найти адрес этого профессора.

Но Настя отрицательно покачала головой:

– Нет, этот профессор не пойдет. Во-первых, он настолько спился, что уже двух слов связать не сможет. А во-вторых, в филологии отец слишком хорошо разбирается. Если потом он вдруг решит поболтать с тобой на тему диссертации, то мгновенно поймет, что ты ни в зуб ногой. Надо выбрать такую науку, в которой мой папочка полный нуль.

– Надеюсь, такие науки еще есть? – с некоторой опаской спросил я.

– К счастью, – кивнула Настя. – Например, физика. Он даже уроки у меня проверить не мог и отсылал к маме. Говорил, что от правила буравчика и теории относительности у него мозги закручиваются в спираль.

– Решено, – серьезно сказал я. – Буду кандидатом физико-математических наук. Осталось найти безработного физика. У тебя нет на примете какого-нибудь бедного Эйнштейна?

Настя недолго думала и отрицательно покачала головой.

– Найти такого несложно, – сказала она. – Открываешь газету, просматриваешь объявления, где предлагаются услуги репетиторов, и начинаешь обзванивать всех подряд. Но я бы не советовала тебе так делать.

– Почему?

– Опасно вести такое щепетильное дело с первым встречным, – сказала Настя. – Ты должен быть на все сто процентов уверен, что человек, который напишет для тебя диссертацию, никому и никогда не признается в своем авторстве.

Все-таки умная головушка у моей Насти! Недаром дочь академика!

Я немного приуныл. Проблема усложнялась. Для ее решения требовалось намного больше времени, чем я предполагал. Я смотрел на парочку под грибком. Парень в очередной раз наполнил стаканчики. Девушка принялась выуживать своей узкой ладонью маринованные огурчики из банки.

– Неужели у тебя нет знакомых, которые могли бы написать для тебя диссертацию? – со слабой надеждой спросила Настя. – Подумай, вспомни.

– Нет, – потухшим голосом ответил я.

– Может, в армии с умными ребятами служил?

– Да откуда в разведроте умные? – махнул я рукой. – Мы там только боксом занимались и кирпичи об голову разбивали.

– А в школе? Неужели у вас в классе не было отличников?

– Где? В школе?

И тут вдруг у меня в мозгу словно лампочка вспыхнула.

– Есть такой! – крикнул я.

Настя, кажется, вздрогнула.

– Ты о ком? – не поняла она.

– То, что надо! Физик! Пьющий, безработный, бедный! До недавнего времени работал в каком-то научно-исследовательском институте. Институт закрыли, всех сотрудников вышвырнули на улицу.

– Да кто же это?

– Мой одноклассник Витька Чемоданов! Я с ним пару месяцев назад случайно встретился. Умнейший парень! В школе физику знал лучше учительницы!

– Ты с ним дружишь?

Я поморщился и отрицательно покачал головой:

– Друзьями мы, конечно, не были. Случалось, немного конфликтовали. Но это все в прошлом.

– А он возьмется за это дело? Ты уверен?

– А куда он денется! – без тени сомнений воскликнул я и потер руки от предвкушения. – Он мне давал свой адрес… Куда же я его записал? Лишь бы не выбросил! Стоп! Где-то в органайзере… Живет он в Подмосковье, по-моему, не женат. Главное, чтобы он сейчас не был в запое.

Я порывисто обнял Настю и поцеловал ее в щеку. А все-таки молодец ее папаша! На какое дело меня подтолкнул! Надо же, я стану кандидатом наук, зятем академика, профессора! Буду общаться с элитой российской науки, принимать участие в симпозиумах и семинарах, дремать в тиши читальных залов библиотек… Таблицу умножения для начала повторить, что ли? А то все калькулятор да компьютер.

Глава 3
Бред какой-то!

Настя очень волновалась, чтобы я не спасовал, не передумал, и разбудила меня телефонным звонком без четверти семь утра.

– Ты еще в постели? – возмущалась она.

– А зачем так рано? – удивился я, не в силах открыть глаза.

– Затем, чтобы твой физик не успел опохмелиться!

Вот как девчонке замуж захотелось! А у меня про все истинные желания лучше спрашивать утром. И если бы сейчас состоялся какой-нибудь божий суд и меня бы спросили, хочу ли я защищать диссертацию, чтобы жениться на Насте, я бы честно ответил: нет, не хочу. И завалился бы досыпать.

Я подобрал ее на Варшавке, и мы помчались в сторону Серпухова. Погода стояла ужасная. В ветровое стекло летел гигантский рой снежинок. Щетки едва справлялись с ними. Я боялся очутиться в кювете и не слишком давил на газ, что вызывало резкое недовольство у Насти.

– С такой черепашьей скоростью мы приедем к твоему физику к обеду, в самый разгар застолья.

Я пытался ее обманывать и, выжимая сцепление, усердно газовал, чтобы мотор завывал, как продрогший волк. Странно, однако, мы, мужики, устроены. Чем больше преград на пути к сердцу возлюбленной, тем дороже она становится. Но стоит только возлюбленной ринуться навстречу, тигрицей пробивая эти самые преграды, как цель блекнет, меркнет, и через некоторое время смотришь – господи, а ради чего копья ломал?

Не скажу, что Настя мне разонравилась. Но такого необузданного желания добиться ее, какое я испытал у нее дома, уже не было. Да и выглядела она сегодня неважно: лицо припухшее, кожа землистого цвета, под глазами синяки, взгляд потухший.

– Плохо спала? – спросил я, сворачивая с трассы на лесную дорогу.

– Не отвлекайся, – не ответила на вопрос Настя.

Где-то я читал… или слышал по телевизору, что дочери ученых – жуткие стервозы…

– Ты не проскочил поворот? – спросила Настя и тяжело вздохнула. – Да выключи же ты эту печку! Дышать нечем!

– Тебе плохо? – полюбопытствовал я, сворачивая на грунтовку.

– Плохо! – капризно ответила Настя. – Меня укачало.

Наконец дорога вообще закончилась. Машина едва ползла по каким-то жутким ухабам. С одной стороны торчали красные от ржавчины цистерны какого-то заброшенного завода, а с другой – мрачные пятиэтажки. Я всматривался в номера домов. Номеров не было. Людей, у которых можно было бы спросить, тоже не было. Я остановился и полез в карман пальто за блокнотом, в котором был записан адрес.

– Поселок Промышленный, – бормотал я, читая адрес, – улица Рабочая, дом шесть, квартира тринадцать.

– Я сейчас умру, – призналась Настя.

– Никто не заставлял тебя ехать со мной, – ответил я, трогаясь с места и объезжая сгнивший автомобиль без колес, лежащий на въезде во двор.

– Наверное, вот этот дом шестой! – недовольным тоном сказала она и ткнула пальцем в стекло.

– С чего ты решила, что этот?

– Сосчитала!

Я кое-как заехал во двор. Посреди, словно старая воронка от авиабомбы, чернела огромная лужа. Вокруг нее росли деревья с обломанными ветками и больными стволами, покрытыми странными надписями. На единственной скамейке, стоящей у первого подъезда, сидели подростки и плевали себе под ноги.

– Шестой дом? – спросил я у них, опустив стекло.

– Ну, – ответил один из подростков, прыщавый, худой, с глупыми и жестокими глазами.

– Так да или нет?

– Ну… – повторил он, сплевывая, и покосился на машину.

Второй подросток приподнял мертвенно-бледное лицо, посмотрел на меня совершенно безумным взглядом и вдруг громко заржал.

Настя была удивительно терпелива и последовательна. Удивляюсь, как она не схватилась за руль, чтобы немедленно развернуться и уехать из этого поселка.

– Посмотрим здесь, – сказал я и стал отыскивать место, где бы припарковать машину.

– А чего смотреть? – ответила Настя и взялась за ручку, чтобы открыть дверь. – Тебе же сказали, что это шестой дом.

– Разве? – усомнился я, но Настя уже вышла из машины и хлопнула дверью.

Я, как марксист, был твердо убежден, что бытие определяет сознание, и в связи с этим меня начали терзать сомнения – а сумеет ли Чемоданов создать научный труд, возвышающий человека, видя из окон своей квартиры столь живописный двор?

Насте было легче. Она была стратегом и видела перед собой лишь конечную цель: мою фамилию в своем паспорте. Каким способом я буду прокладывать тропинку к этой цели, ее интересовало постольку-поскольку. Пока я давал задний ход, стараясь как можно плотнее прижаться правым боком к стволу дерева, пока я прикидывал, как быстро немногословная молодежь снимет с моей машины колеса и выбьет стекла, Настя дошла до подъезда. Она встала под козырьком, чтобы холодные снежинки не падали ей на лицо, и стала смотреть на меня, хмуря брови.

– Уже нашла? – спросил я, прыгая с кочки на кочку, как геолог в нефтеносном болоте. – Здесь тринадцатая?

Подростки исподлобья глазели на нас. Тот, который ржал, начал крупно дрожать. На кончике его носа висела мутная капелька.

– «Федор», «Горбачев», «лошадка», «марки», – бормотал он. – Оптом и в розницу…

Я открыл скрипучую дверь, и мы, переступая через подозрительные зловонные лужи, поднялись на последний этаж. Мне было стыдно перед Настей, будто я привел ее к себе. Она хоть и скрывала свои чувства, но я представлял, что она думает. Одноклассник – почти что родственник. И коль он не брезгует такой жизнью, значит, так нас воспитали в школе. Значит, и я где-то глубоко внутри порочен.

Настя остановилась перед дверью, неряшливо обшитой коричневым ледерином. Вверху на одном гвоздике болталась металлическая цифра 1. Тройку, наверное, кто-то украл, и число было дописано мелом.

Я потянулся пальцем к кнопке звонка, а Настя постучала кулаком. Сорок процентов я давал на то, что Чемоданова нет дома, а пятьдесят – что он в дупель пьян. Но выпало на оставшиеся десять. Он открыл, причем не так, как открывают двери в Москве – ровно на столько, чтобы можно было прищемить незваному гостю нос. Открыл нараспашку, во всю ширь, выпустив на лестничную площадку тяжелый запах жилья.

– Серёнька! Откуда? Каким ветром?

«Вот человек, – подумал я, – которому мы с Настей будем обязаны своим счастьем».

На пороге стоял круглолицый, коротко постриженный мужик с рыхлым желтоватым лицом. На нем были тельняшка и короткие шорты из обрезанных джинсов. Рот Чемоданова был чуть приоткрыт, между мясистых губ проглядывали редкие крепкие зубы. Глаза его были

круглые и карие, как два каштана. На лице застыло выражение легкого недоумения, растерянности.

Чемоданов молча развел руками, сдержанно улыбнулся, сдержанно обнял меня и трижды поцеловал во все щеки.

– Очень вовремя! – сказал он хриплым, ломающимся голосом. – У меня есть такая маленькая вобляшка. А ты пива, случайно, не принес? Хотя бы пару бутылочек?

Мы с Настей зашли в тесную прихожую. Чемоданов с третьего раза сумел захлопнуть дверь и только после этого обратил внимание на Настю.

– Очень приятно, – промурлыкал он, пожимая ее руку.

Я смотрел по сторонам, пытаясь найти в темноте вешалку. Всевозможные куртки, бушлаты, телогрейки висели на кривых гвоздях, на ручках дверей, кучей лежали на скамейке. Обувь разнообразных моделей, истоптанная и грязная, в беспорядке валялась на полу. Мы с Настей сослепу наступали на ботинки, кроссовки, сапоги, спотыкаясь и выворачивая себе ноги. Мне было жаль девушку. Разбалованная профессорским комфортом, она, должно быть, с трудом воспринимала жилище Чемоданова.

Я стоял с пальто в руках и не знал, куда его повесить. Настя, жалея свои колготки, не стала снимать сапоги. Чемоданов, вспоминая что-то, качал головой, вздыхал, приглаживал волосы. И вдруг неожиданно расхохотался – с присвистом, заразительно, сложившись почти пополам.

– Ты помнишь нашего физрука?.. – отрывисто произнес он и снова зашипел, засвистел, низко опустив голову. – Как он учил девочек на брусья садиться?.. Ах-хи-хи-и-и…

Настя взглянула на меня, словно хотела спросить: а этот физик нормален?

Мы прошли в комнату. Чемоданов вытирал слезы.

– Вы не удивляйтесь, девушка, – сказал он Насте. – У нас с Сергунчиком в молодости такое было! Такое было! Но я не могу понять, как ты меня нашел?

Комната, куда Чемоданов нас привел, была маленькой, пыльной, до предела забитой хламом. Книжный шкаф прижимался к платяному, а тот, в свою очередь, упирался в диван, в изголовье которого стоял испорченный холодильник. Стулья и табуретки стояли там, где их можно было воткнуть, и были завалены мятой одеждой, тапочками, носками и книгами. В углу пристроилась печь-«буржуйка», от которой через отверстие в форточке выходила вытяжная труба. От печки тянуло удушливым теплом. Я протиснулся к окну, где, как мне думалось, воздух был чище, и нечаянно наступил на консервную банку, в которой лежала какая-то гадость.

– Осторожнее! – мягко упрекнул меня Чемоданов. – Это каша моего кота. Кис-кис, Васюнька, иди доедай, пока твою кашу по полу не размазали!

Но Вася на призыв хозяина не реагировал. Спрятавшись под стулом, он с урчанием разгрызал какую-то добычу, и до наших ушей доносился хруст да треск.

Чемоданов ахнул, повалился на колени и после непродолжительной борьбы отобрал у кота какой-то предмет, похожий на сухую сосновую щепку.

– Вот же гад! – с ненавистью произнес Чемоданов и кинулся за котом, который со всех ног помчался на кухню. – Он до моей вобляшки добрался!

Я с опаской посмотрел на Настю. Она была бледна, но держалась стойко. Все же мне стоило поберечь ее легкоранимую психику и отговорить от поездки к физику. Самоотверженность девушки, готовой на все ради нашего счастья, меня поразила. Я скинул со стула тряпье и усадил ее.

– Мы скоро поедем, – пообещал я.

Чемоданов вернулся с остатками рыбы в руке. Обнюхивая ее, он сел на заваленный книгами диван, а потом принялся вытаскивать их из-под себя.

– Мне кажется, ты пришел не просто навестить старого дружочка, – сказал он, обсасывая кривое рыбье ребрышко. – А помнишь, как математичка о мой портфель споткнулась и на пол рухнула?

И опять: ах-хи-хи-и-и!

– Ты занимаешься наукой, Витя? – спросил я, пытаясь упорядочить в этой комнате хотя бы наше общение.

– Что ты! – ответил он, продолжая держать в губах ребрышко. – Как наш институт закрыли, я с физикой завязал. Иногда, правда, просматриваю свежие наработки…

С этими словами он вытащил из-под себя какой-то мятый журнал на английском, зачем-то понюхал его и протянул Насте.

– Здесь, например, есть несколько исследований в области использования равенства безразмерных критериев подобия. Я имею в виду чисел Маха, Струхала, Коши – ты, наверное, в курсе, чего я тебе объясняю?

Я кинул на Настю взгляд, не лишенный гордости, словно хотел спросить: как тебе истинный облик моего одноклассника? Бедная обстановка и чудаковатость – это всего лишь материальная, мирская сторона жизни молодого ученого, фаната формул и уравнений. А все прекрасное вершится в его замечательных мозгах.

Настя без интереса листала журнал, в котором не было ни одной картинки – одни формулы и чертежи. Я понял, что мы приехали не зря.

– Ты, наверное, защитился? – начал я издалека.

– Какое там! – отмахнулся Чемоданов и, открыв печную дверцу, пошурудил в остывших углях. – Не успел. Кандидатский минимум сдал, диссертацию почти написал, а потом – обаньки! – моя женулька попала под машину.

– Какой ужас! – сказал я.

– Не то слово! – возразил Чемоданов. – На ней была шубка, такой скромненький шубёнчик за тысячу долларов – так тоже пострадал! Колесом рукав оторвало. На фиг оторвало! Я с водилой из-за этой шубки до сих пор сужусь. Не хочет, гад, компенсировать убыток. Говорит, что шуба еще до наезда рваная была… А чего вы рыбешку не едите? Мне батя с рыбхоза присылает. Свежачок!

– И где теперь эта твоя диссертация? – осторожно спросил я, чувствуя, что кандидатство просто сыпется мне на голову, как штукатурка с потолка.

– Где, где, – произнес Чемоданов, профессионально разбирая рыбью голову на части. – Под диваном валяется. Я ею печь растапливаю.

– Да ты что?! – воскликнул я. – Ты это серьезно?

– Во те крест! – заверил Чемоданов. – У нас ведь батарейки холодненькие, печурку топить надо. Так я из-под диванчика один листок – жмык! На формулы погляжу, смахну со щеки слезунчик, а потом спичечкой чирк! И туда его!

Меня ждала уже готовая диссертация. Никогда еще Настя не была так близка ко мне. У меня в ушах уже звенел марш Мендельсона.

– Тебя за это убить мало! – произнес я.

– Господи, как ты долго! – вдруг не выдержала Настя и посмотрела на Чемоданова: – Продайте нам вашу диссертацию!

– Диссертацию? – переспросил Чемоданов, с наслаждением хрустя ребрами. – Запросто. Три бутылочки пивунчика – и она ваша.

– Правда? – не поверил я. – Дорогой мой, да я тебе сейчас ящик пива принесу!

– Идет! – согласился Чемоданов. – Только, Серёнька, позволь полюбопытствовать: а на кой хрен тебе сдалась моя диссертация?

Я несколько мгновений колебался: говорить правду или не говорить? Потом представил, каким жалким я покажусь Чемоданову, если расскажу, что без диссертации не могу добиться расположения родителей Насти. Пришлось извиваться червем и лгать:

– Да мой начальник с ума сошел, приказал защититься. Вроде бы для того, чтобы выйти на новый уровень в работе с иностранными партнерами.

Чемоданов перестал жевать и сплюнул косточку. Она налипла к его нижней губе, как украшение полинезийского дикаря. Он в упор посмотрел на меня, округлив до совершенства глаза и выпятив губы.

– Так это что ж получается? – произнес он. – Ты хочешь защитить кандидатскую по моей диссертации?

– Ну да, – подтвердил я, и мне вдруг стало стыдно. – Я ведь тебе заплачу за это. Ты как бы продаешь мне свой труд.

– Э-э, Серёнька, так не пойдет! – покачал головой Чемоданов.

– А ты думал, для чего она мне? Печку топить? – громко спросил я, пытаясь спасти положение.

– Да лучше печку топить! – ответил Чемоданов и вскочил с дивана. Подошел ко мне, уставился своими сливовыми глазами. – А ты ловкач, Серёнька! Ловкач! Я, значит, три года пахал, как папа Карло, в лаборатории гнил, ночами не спал, а ты мой труд себе приписать хочешь?

– Но это нормальный бизнес! – защищал я свое честное имя. – Ты произвел продукт, который я покупаю. За свой труд ты получишь приличные деньги.

– Откупиться хочешь! – надломанным голосом произнес Чемоданов, поднимая с пола кота и прижимая его к своему лицу. – Мне, значит, твои поганые деньги, а тебе – слава и почет?

Я не на шутку разозлился:

– Что ж ты сам славы и почета не добился? Почему не защитился? Почему не довел дело до конца?

– Я уже тебе говорил, – низким голосом ответил Чемоданов и сделал каменное лицо, – жена под машину попала.

– А я думаю, что твоя диссертация оказалась никому не нужна.

Чемоданов подскочил ко мне, встал почти вплотную, так, что кот провел своим хвостом у меня под носом, и прошипел:

– А вот об этом не тебе судить!

Я обернулся и с мольбой в глазах посмотрел на Настю. Ее прирожденная целеустремленность могла спасти положение.

– Я устала, – сказала она. – И больше не могу здесь… Короче: сколько вы хотите за диссертацию?

Чемоданов засопел, пошевелил губами, кинул кота на диван и принялся ходить по комнате.

– Штуку, – наконец произнес он, не глядя мне в глаза.

– Какую штуку? Чего штуку? – уточнил я.

– Баксов, Серёнька. Естественно, штуку баксиков.

Однако у этого опустившегося физика был непомерный аппетит.

– А не много ли для старой, никому не нужной диссертации? – спросил я.

– Торг неуместен, – жестко произнес Чемоданов, выдирая из зубов кота рыбий хвост. – Я продаю тебе свой загубленный талант…

– Это нормальная цена, – кивнула Настя. – Больше времени и нервов потратим. Соглашайся!

– Черт с тобой! – сказал я Чемоданову. – Сейчас пятьсот и еще пятьсот после защиты.

Но Чемоданов стоял на своем мертво.

– Всю сумму сразу! Или я сжигаю ее в печке.

– Я больше не могу! – закатывая глаза, произнесла Настя. – Я задыхаюсь здесь!

Она в самом деле неважно выглядела. На лбу выступили капли пота, лицо побледнело.

– Ладно, – сдался я. – Показывай диссертацию.

Чемоданов щелкнул пальцами, хлопнул в ладоши и, пританцовывая, полез под диван. Он вытащил оттуда потрепанный портфель с ручкой, замотанной изолентой. Открыв его, он бережно положил на диван упакованную в продуктовый пакет стопку машинописных листов.

– Вот она, моя диссертулечка! – пробормотал он, вытряхивая листы из пакета. – Первый экземпляр, все чистенько, без поправок и помарок.

Я взял наугад одну страницу, пробежал глазами по тексту и формулам и на всякий случай протянул Насте. Пусть посмотрит своим опытным глазом, нет ли здесь какого-либо обмана.

– А ты лапшу мне на уши не вешаешь? – спросил я.

– Серёнька, сладкий ты мой! Обижаешь! – ответил Чемоданов и приложил ладонь к тельняшке. – Я ж тебе специально смотреть даю. Вот, гляди… – Он взял из стопки еще один лист и стал водить своим лоснящимся от рыбьего жира пальцем по строчкам. – Здесь я раскладываю коэффициенты в ряд Тейлора по кинематическим параметрам движения… Как положено, все по порядку… Тут уже перехожу к линейным членам разложения…

– Ну, ладно, – сказал я. – Не надо комментариев. Чего тут не хватает? Сколько ты уже успел сжечь?

– Да это я так! – махнул рукой Чемоданов. – Болтунчики на меня напали. Тут только по мелочам. Ну, титульного листа нет, содержания нет… Это все ерунда! Я тебе сейчас все напишу… Только ты мне баксяшки сразу отсчитай, ладно?

– Я жду на улице, – сказала Настя и решительно направилась в прихожую.

Когда хлопнула дверь, я сел на диван, положил на колени драгоценную диссертацию и достал бумажник. Перед столь волнующим моментом Чемоданов заерзал, стал хихикать и вслух вспоминать, как когда-то давно мы заперли на швабру в туалете чертежника. Я отсчитал десять стодолларовых купюр и протянул их Чемоданову.

– Имей в виду, – предупредил я, – никто не должен знать, что диссертацию писал ты. Забудь о ней навеки, понял?

– Какой разговор, Серёнька! – заверил Чемоданов, торопливо заталкивая деньги в карман шортов. – Все будет шито-крыто. Сейчас я тебе тему напишу… Сейчас, только лист чистый найду.

– И еще посоветуй, куда мне с ней пойти, кому показать. Чтобы только надежно было!

Чемоданов снова сел рядом со мной и задумался.

– Чтобы надежно было, – бормотал он, почесывая наморщенный лоб. – Чтобы надежно… Вот что! – осенило его. – Иди-ка ты прямиком в РИФА на кафедру динамики.

– Что такое РИФА?

– Как? – чрезмерно удивился Чемоданов. – Ты не знаешь? Ты не знаешь, что такое РИФА?

Он бы еще долго смаковал мое незнание, если бы я его не прервал:

– Короче! Короче!

– Это Российская инженерно-физическая академия!

– И к кому мне там подойти?

– А я тебе все напишу, – пообещал Чемоданов. – Дам подробнейшие координаты, к кому и когда подойти. Лучше это сделать сегодня же… Вот… Ручечку только найду…

Пока он искал ручку, я надел пальто и ради любопытства заглянул во вторую комнату. Она, в отличие от первой, была пуста. В ней, как в узбекских гостиных, не было ничего, кроме протертого до дыр ковра да раскиданных по углам матрацев с подозрительными пятнами. Окно было заклеено газетами.

– Вот! – сказал Чемоданов, протягивая обрывок газетного поля, на котором были небрежно написаны адрес, телефон и незнакомое мне имя. – Этот человек поможет тебе на первых порах.

Не объяснив, куда можно торопиться в этом убогом поселке, умирающем среди заброшенных заводов, Чемоданов настойчиво подвел меня к двери и выпроводил из квартиры. Я в

глубокой задумчивости спускался по загаженной лестнице с кандидатской диссертацией под мышкой и думал о том, не лоханулся ли я на штуку баксов по собственной воле. Не стоило сомневаться в том, что труд Чемоданова не представлял никакой ценности для отечественной науки. Скорее всего, я нес под мышкой жалкий лепет бездарного мэнээса[1]. Вполне возможно, что Чемоданов пытался защитить эту диссертацию, но был с позором разгромлен. Но разве я искал что-то другое? Разве мне нужны были серьезные научные открытия? Нет. Мне нужна всего лишь «корка» кандидата наук, которая усмирит ревность в сердце потомственного мыслителя и всколыхнет чувство отеческого уважения ко мне.

Я вышел из подъезда, окончательно убежденный в том, что поступил правильно. Оглядевшись по сторонам и вдохнув сырого тумана, я уже собрался поскакать через лужи к машине, как вспомнил про Настю. Она обещала ждать меня на улице, но ее нигде не было видно!

Плюющиеся подростки уставились на меня своими волнистыми, как радиоволны, взглядами.

– Ну че, надумал? – спросил один из них.

– Вы не видели, куда девушка пошла? – спросил я, пропустив мимо ушей вопрос.

– Не видели… Купи «Горбачева», мужик! «Гера» есть. «Колеса»…

Зная, что лучший способ отвязаться – это прекратить всяческие контакты, я молча направился к машине. Двор по-прежнему был пуст, если не считать мокрой серой псины, которая стояла на трех лапах и отчаянно чесала у себя за ухом. Она делала это с наслаждением и бесконечно долго. Пока я шел к машине, она чесалась, напоминая работающую швейную машинку. Сгущающийся туман приглушал звуки, и мне казалось, что я глохну.

Я подошел к машине, достал из кармана пальто ключи, но вдруг остановился как вкопанный. Перед самой дверью лежал увесистый бетонный блок для дачного фундамента. Открыть дверь было невозможно, как и сесть в машину с противоположной стороны. Ведь я нарочно подогнал «аудишник» почти вплотную к деревьям.

Тут за моей спиной раздался короткий звук, с каким производят плевок. Я обернулся. Подростки стояли в нескольких шагах от меня, сунув руки в карманы курток.

– Купи «колеса», мужик! – сказал один.

– Или «марки», – добавил второй.

Я еще раз оглянулся. Двор был пуст, словно в этом поселке все вдруг вымерли. Смешная, нелепая ситуация! Два юных негодяя терроризировали меня средь бела дня, ничего и никого не боясь. Что мне оставалось делать? Отбиваться от них диссертацией, как от мух?

Пришлось лезть в карман. Хорошо, что несколько сторублевок лежало отдельно в кармане пальто и мне не пришлось демонстрировать пухлый бумажник.

Они взяли деньги с таким видом, словно сделали мне одолжение. Затем молча схватились за блок и оттащили его в сторону.

Я сел в машину, немедленно заблокировал все двери и запустил мотор. Какое отвратительное место! Знал бы светлейший Аристарх Софронович, какие болота мне приходится преодолевать, выполняя его прихоть. Прочь, прочь отсюда!

Но где же Настя, черт возьми?

Исследовать двор было намного безопаснее в машине. Для начала я несколько раз протяжно посигналил, но это не вызвало никаких изменений во дворе, даже шелудивый пес не перестал чесаться. Очень медленно, чтобы не разбить подвеску на ямах, скрытых под лужами, я объехал все дворы, но нигде не нашел никаких признаков жизни. Везде одно и то же: туман, голые деревья, огромные лужи, изрисованные стены домов и развешанные на бельевых веревках тряпки.

[1] МНС – младший научный сотрудник.

Случай был необъяснимый, и я начал психовать. Остановившись у первого попавшегося подъезда, я стал беспрерывно сигналить – уже без конкретной цели, просто ради того, чтобы сорвать злость на жильцах дома. Не знаю, сколько времени по всему поселку летал бы душераздирающий вой, если бы дверь подъезда вдруг не открылась. Я убрал руку с кнопки сигнала и опустил стекло.

Из двери медленно вышла пожилая и весьма полная женщина. Опираясь на древко тяпки, как на костыль, она с трудом сделала несколько шагов и кинула пакет с мусором под колеса моей машины.

– Чего гудишь? – спросила она беззлобно. – Нет здесь никого.

– Как нет? – не понял я. – А где народ?

– Нет здесь никакого народа. Уже лет восемь, как завод закрыли.

– А куда же все подевались?

– Кто мог, в город уехал. Кто не мог – умер. А я вот живу еще.

– Вы одна живете в этом доме? – ужаснулся я. – А-а… Ну да… А я девушку ищу. Она нездешняя, со мной приехала. В красном пальто. Не видели?

– Уезжай отсюда! – вдруг резко переменилась в настроении женщина и махнула на меня тяпкой. – Уезжай, говорят тебе! Нечего здесь болтаться! Не то огрею палкой твою машину!

Я оценил шансы на то, что бабуля осуществит свою угрозу, как очень высокие и поспешил тронуться с места. «Наверное, Настя не дождалась меня и пошла пешком на трассу, – подумал я. – А чему удивляться? Из этого места ноги сами прочь несут».

Для очистки совести я свернул во двор Чемоданова. «И как он может жить в таком месте? – с содроганием подумал я. – Здесь даже повеситься противно! Удивительно, как он не любит себя. Подумаешь, не удалось с первого раза защититься! Нельзя же опуститься до такой степени из-за этого!»

Я медленно проехал через глубокую лужу, свернул к подъездам, и тут мне показалось, что в дверях подъезда, где жил Чемоданов, мелькнуло красное пальто.

Я снова начал сигналить, чуть прибавил газу, но машина тотчас ухнула в какую-то яму и ударилась днищем о камни. Мне как ножом по сердцу! Я выругался, медленно подкатил к подъезду и заглушил мотор. Показалось мне или же Настя в самом деле зашла в этот подъезд? Может быть, пока я искал ее в других дворах, она вернулась сюда, увидела, что машины нет, и решила спросить обо мне у Чемоданова?

С некоторой опаской я вышел из машины и оглянулся по сторонам. Ни подростков, ни шелудивого пса видно не было. Включив сигнализацию, я забежал в подъезд и крикнул:

– Настя! Я здесь!

От тишины мне сделалось жутко. Наверняка бедняжка испугалась, что я бросил ее одну в этом омерзительном поселке! Она в панике бросилась к Чемоданову, единственному человеку, который мог ее здесь защитить. Я кинулся вверх по лестнице, добежал до верхнего этажа и принялся колотить в дверь Чемоданова.

– Настя! – кричал я. – Я здесь! Не бойся, Настя! Я не уехал!

Я полагал, что дверь откроется немедленно и заплаканная, испуганная Настя кинется мне на шею. Но дверь не открывалась, и из глубины квартиры не доносилось ни звука.

Теперь я стучал в дверь ногами.

– Чемоданов! – строгим голосом крикнул я. – Не дури, открой! Настя у тебя?

Я снова замер, остановил дыхание и прижался к двери ухом. Гробовая тишина!

«Бред какой-то! – подумал я и потряс головой, чтобы проснуться, если спал. – Куда он мог деться? Вообще-то он говорил, что торопится. Значит, уже ушел? А что же мелькнуло в дверях подъезда? Если это была Настя, то куда она делась?»

На всякий случай я еще раз двинул по двери ногой, а затем – не знаю зачем – постучал в соседнюю дверь. Она задрожала на хлипких петлях. В злом азарте я стукнул по ней кулаком.

Я не прикладывал почти никаких усилий, но от удара внутри звякнуло что-то металлическое, наверное, задвижка, и дверь со скрипом отворилась. Я опешил. Из квартиры потянуло запахом плесени. Я видел часть коридора с ободранными обоями и грязный пол, усыпанный, словно шелухой от семечек, мышиным пометом.

– Настя, – тихо позвал я, не смея зайти в квартиру. – Ты здесь?

В это мгновение с улицы донесся вой сигнализации моего «аудишника». Я даже вздрогнул от неожиданности. Сплюнув и выругавшись, я кинул прощальный взгляд на дверь квартиры Чемоданова и побежал вниз по лестнице. Неужели подростки снова что-то сделали с машиной? На этот раз им не удастся выпросить у меня денег. Все, моему терпению пришел конец. Бить буду беспощадно, с двумя сопляками как-нибудь справлюсь.

Но не успел я миновать один пролет, как услышал, что на верхнем этаже клацнул замок. Я остановился, развернулся и стал осторожно подниматься.

– Эй! – крикнул я, задирая голову. – Кто там? Витя, это ты?

Мне показалось, что я услышал мяуканье, а затем тихий шепот. Переступая через ступени, я стал подниматься. По площадке пятого этажа разгуливал кот, обнюхивая пол и углы. Ледериновая дверь была приоткрыта, в узком проеме торчал нос Чемоданова.

– Кис-кис, – тихо звал он кота. – Иди сюда, гадина…

– В чем дело, Витя? – произнес я, медленно приближаясь к двери.

– Ни в чем, – испуганно ответил он и прикрыл дверь еще сильнее. – Ты зря выломал соседнюю дверь, там никто не живет…

Я кинулся вперед, намереваясь взять квартиру Чемоданова штурмом, но Витя успел захлопнуть ее перед самым моим носом. Я врезался в ледерин головой.

– Где Настя? – крикнул я, обрушив на дверь град ударов.

– А я откуда знаю? – отозвался Чемоданов из-за двери. – Я спал… Я ничего не знаю… Не ломись, деньги все равно не отдам!

С ощущением полного отупения я спускался вниз. Мое воспаленное воображение нарисовало излишне мрачные, наполненные мистическим кошмаром картины. А все оказалось намного проще и безобиднее. Настя не дождалась меня и ушла на шоссе. Чемоданов не открывал потому, что боялся, как бы я не передумал и не отобрал у него баксы. В заброшенном поселке не осталось никого, кроме нескольких выживших из ума старух да двух обнаглевших из-за ломки наркоманов.

Машина больше не пищала, лишь молча моргала всеми фарами и габаритами. Я обошел ее вокруг. Следов взлома не было. Я открыл дверь, сел за руль и, чувствуя страшную усталость, поехал прочь из поселка.

«Ноги моей здесь больше никогда не будет! – подумал я. – И Чемоданова видеть не хочу!»

Я опустил ладонь на пакет, чтобы еще раз убедиться: мои переживания были не напрасны. Плохая или хорошая, но диссертация лежала у меня под рукой, и теперь только деньги решали проблемы с ее защитой.

Глава 4
Совершенно бездарная работа

Пока я ехал в Москву, во мне родилась обида на Настю. Подумаешь, какая брезгливая! Не могла подождать меня. Заставила нервничать, платить деньги юным негодяям и пачкать туфли в грязи. Наверное, потому, приехав в Москву, я не стал звонить ей домой и справляться, благополучно ли она добралась. И коль я не был обременен своей капризной и изнеженной попутчицей, сразу поехал в инженерно-физическую академию, которая находилась где-то на востоке города. С мобильника я позвонил человеку, чье имя было нацарапано на газетном клочке: Календулов Павел Герасимович.

– Я буду вас обязательно ждать, – ответил он мне глухим, невыразительным голосом, словно был больным и бедным пессимистом. – Диссертация при вас?

Я предвкушал приятное общение с умным, интеллигентным человеком. После поселка Промышленного мне требовались положительные эмоции, чтобы сбалансировать нервную систему. Я надеялся, что в мудрой тишине преподавательской, среди многометровых стеллажей с книгами, шкафов со схемами и приборами, среди отполированных усидчивостью столов и стульев я почувствую себя почти что в родной стихии и моя опустошенная душа вспыхнет жаждой познания.

Академия располагалась в здании старой школы, зажатой со всех сторон новыми жилыми корпусами. Изобилие иномарок, принадлежащих, по всей видимости, студентам, создало проблему с парковкой. Пришлось мне оставить машину в одном из близлежащих дворов. Но какой это был двор в сравнении с тем, где я был несколько часов назад! Тут и веселые дети на качелях, и вполне соображающие старушки на скамейках, и мужики с бутылкой под деревом, и еще много всякой приятной для глаз живности.

Я взял диссертацию, вынул ее из пакета и аккуратно упаковал в газету. Сунул сверток под мышку и направился в академию. Правдоподобность ситуации неожиданно наполнила меня сладким волнением. Наверное, что-то подобное испытывают настоящие соискатели, когда несут свой многолетний труд на строгий суд ученых мужей. Жаль, что коммерция не оставила мне никаких шансов посвятить себя науке. Прав, конечно, мой будущий тесть: наука – это дело святое, чистое и благородное, и ею нельзя заниматься между делом. Отдать себя ей до конца и сгореть в пламени истины – вот величайший образец жизни ученого. Красиво, как в мифах. Во второй своей жизни я обязательно стану ученым и сполна искуплю свой нынешний грех.

С этими возвышенными мыслями я зашел в вестибюль, наполненный шумными студентами, поднялся на второй этаж и по скрипучему паркету прошел в торец коридора. Там я нашел дверь, пронумерованную числом 208, постучал и взялся за ручку. Дверь была заперта.

Не успел я подумать, что это плохой знак – второй раз за день ломиться в запертую дверь, как услышал за спиной шаги. Обернувшись, я увидел миниатюрного человечка, едва ли не карлика, который шел прямиком ко мне.

– Я Календулов, – сказал он. – А вы по поводу диссертации?

Я кивнул и для убедительности показал ему сверток. Календулов приближался медленно, ибо переставлял ноги неторопливо и вдумчиво, словно поднимался по крутой горе. Если бы его ноги мельтешили, то это подчеркивало бы маленький рост, вот Календулов и старался опровергнуть первое впечатление о себе. Его крупная голова раскачивалась в такт шагам из стороны в сторону, как у китайского болванчика. На макушке просвечивала благородная плешь работника умственного труда, но лицо почему-то не светилось проникновенной осведомленностью. Лицо у Календулова было гипсово-статичным, лишенным каких бы то ни было эмоций. Разма-

хивая короткими, чрезмерно волосатыми ручками, он, не снижая темпа, приблизился ко мне и остановился как вкопанный, едва не ткнувшись носом мне в солнечное сплетение.

Открыв ключом дверь, он взмахом руки пригласил меня зайти внутрь, быстро зашел следом за мной и тотчас заперся.

– Присаживайтесь, – сказал он.

Это была не преподавательская. Может быть, хранилище учебных приборов и пособий, может быть, мастерская по ремонту синхрофазотронов – не знаю. От пола до потолка высились стеллажи с коробками из-под оргтехники, мотками проволоки, старыми телевизорами без трубок, системными блоками от компьютеров, настольными лампами без ламп, молотками, рубанками, пакетами со шпатлевкой и прочим барахлом.

Я сел на табурет под большой коробкой из-под монитора, полагая, что коробка пуста и потому это самое безопасное место в комнате. Календулов устроился на крутящемся офисном стульчике.

– Показывайте, – сказал он.

Я протянул диссертацию. Календулов расчистил для нее место на столе, бережно опустил и, энергично двигая головой, внимательно рассмотрел первую страницу.

– А где же тема?

Мне стало ужасно стыдно. Как же я мог забыть, что Чемоданов сжег титульный лист!

– Сейчас, – ответил я, вытаскивая из кармана обрывок газеты и кое-как разравнивая его на колене.

Календулов, как истинный ученый, не побрезговал обрывком бумажки. Для него важно было содержание, а не форма.

– «Течение с образованием волн разрежения, – вполголоса бормотал он, читая каракули Чемоданова, – при обтекании угла сверхзвуковым потоком»… Очень интересно, очень… Вы кандидатский минимум сдали?

– А как же, – легко солгал я, уверенный в том, что документ о сдаче минимума, как и диплом об окончании вуза, я куплю в ближайшие дни.

Календулов принялся просматривать вторую страницу диссертации.

– Придется все делать задним числом, – говорил он тихо и невнятно, словно самому себе. – Я поговорю с заведующим кафедрой, чтобы утвердил тему… И попрошу, чтобы назначил меня вашим руководителем. Не возражаете?

Я понял, что прозвучал намек: пора заявить о своих возможностях и намерениях.

– Ну что вы! – воскликнул я, в уме прикидывая, сколько предложить Календулову. – Я очень даже рад. Вот только диссертация слабовата. Я не строю никаких иллюзий и совершенно уверен в провале…

– Ну, зачем же так? – встал на мою защиту Календулов и повернул голову в мою сторону. Глазки его были очень подвижны, вот только смотрели они на что угодно, но только не на меня. – Слава богу, что вы взялись за работу, довели ее до конца! Кто сейчас диссертации пишет? Силой никого не заставишь!

– Поймите меня правильно, – начал я приближаться к акту сделки. – Меня интересует только конечная цель. Я должен стать кандидатом наук, хотя, возможно, и не заслуживаю этого.

– Вы что? – не слишком горячо возмутился Календулов. – Почему вы сразу так унижаете себя? Может быть, это великолепная работа!

– Это совершенно бездарная работа, – заверил я.

– Я хочу лично удостовериться в этом, – ответил он.

– Сколько я вам буду должен? – спросил я.

Календулов поднял на меня возмущенный взгляд.

– Еще раз так скажете, – негромко, но выразительно произнес он, – я откажусь быть вашим руководителем.

Я оставил Календулову номер своего мобильного телефона и поехал в фирму. Там пообедал, покрутился немного и под видом того, что должен проводить в Домодедово оптовиков из Узбекистана, слинял. Директор не знал, что с узбеками я распрощался еще вчера, и потому возражать не стал.

Затем я зарулил к себе в Новогиреево, чтобы проконтролировать бригаду с Украины, которая делала ремонт в моей новой квартире.

– Тут у нас малэнька проблема, хозяин, – сказал мне бригадир с белыми от мела усами и красными от водки глазами. – Бильярдный стол, выбачаюсь, на запчасти розибраты нияк не можлыво. Там тильки одна доска три на два метра. Так шо нам придется заносить его разом. Может, мы сначала занесем, а уж потим двери навесим?

Я ходил по комнатам, в которых гулким эхом отзывались мои шаги и мат рабочих, зачищающих шкуркой потолок.

– Бильярдный стол отпадает, – сказал я бригадиру, который безотрывно следовал за мной.

– Шо значит отпадает? – не понял он.

– Я передумал. Вместо бильярдной будет кабинет.

– Во как! – с пониманием произнес бригадир и покачал головой. – Кабинет – цэ дило серьезное. Мабуть, вам потрибно головой часто думать, на то и кабинет нужен… Добре! Я хлопцам скажу, чтоб починали двери навешивать.

Я и сам не мог понять, почему вдруг передумал устраивать в самой большой комнате бильярдную. Диссертация незаметно, но радикально меняла меня, вынуждая отказываться от прежних взглядов на жизнь. А в самом деле, на кой черт мне бильярдная? Собирать в ней толпы таких же бездельников, как и я, чтобы кичиться друг перед другом своим умением тыкать палкой по шарам?

Выйдя на улицу, я понял, что больше мне ехать некуда и пришло время усмирить свою обиду и позвонить Насте.

Трубку поднял профессор.

– Да, Настя дома, – ответил он. – Позвать?

Пока он ходил за Настей, я думал, как бы не признать себя виноватым, но не смог придумать подходящих слов. Кто звонит первым, тот оправдывается, и никуда от этого не денешься.

– Она сказала, что занята, – ответил Аристарх Софронович через пару минут.

– Занята? – удивился я. Настя еще никогда не выказывала свою обиду в столь резкой форме. – А чем она занята?

– Книгу читает.

Через сорок минут я был у нее дома. Открыл, как я и предполагал, профессор. Я с порога вручил ему бутылку французского вина, упаковку голландского табака и английскую подставку для курительной трубки из красного дерева. Пока Аристарх Софронович рассматривал подарки, я проскользнул в комнату Насти.

Она в самом деле читала. Причем лежа на диване под пледом. Оранжевый свет от торшера уютно освещал ее маленький мир. Я отметил, что Настя выглядит намного лучше, чем утром, чего нельзя было сказать о ее отношении ко мне. Она даже не взглянула на меня.

Я подошел к ней на цыпочках. Настя перевернула страницу, наморщила лобик и с деланым интересом прицепила взгляд к строчкам. Я опустил ей на грудь тряпичного игрушечного кота. Она не отреагировала.

– Куда ты пропала? – как о чем-то заурядном, спросил я, опускаясь в кресло. – Я искал тебя по всем дворам, у людей спрашивал – ты как в воду канула.

Настя медленно опустила книгу на кота и холодным взглядом посмотрела на меня. Мне показалось, что ее глаза полны слез.

– Ты меня искал? – переспросила она. – Плохо искал.

– Плохо? – нарочито возмутился я. – А где ты должна была меня ждать? В подъезде. На крайний случай – у машины. А ты где ждала?

– Я не могла стоять у подъезда рядом с наглыми подростками! – в моем тоне ответила Настя. – Они ругались матом и приставали ко мне с грязными намеками! Мне пришлось отойти к заводскому забору. Там я тебя и ждала.

– Честное слово, я тебя не видел, – поклялся я.

– Целый час я там простояла! Думала, не уйду живой. Потом шла через лес. За мной увязались какие-то подозрительные типы. Я бежала, сломала каблук…

Жалость к этой слабой и беззащитной девушке наполнила меня до краев. Я вскочил с кресла, сел на край дивана и взял ее руку. Она была горячей, будто девушку лихорадило.

– Прости меня, – произнес я, признавшись самому себе, что искал Настю недостаточно настойчиво. – Прости меня!

Она позволила мне поцеловать ее руку, но не более. Видимо, испытания, которые ей пришлось пережить сегодня, оказались для нее чересчур серьезными. Я знал ее уже три месяца, и она часто удивляла меня неприспособленностью к суровой жизни и неумением сопротивляться обстоятельствам. Но благодаря именно этим качествам я с ней и познакомился.

Это было поздним ноябрьским вечером. Я задержался в офисе и вышел на улицу в десятом часу. Не успел я подойти к машине, как откуда-то из темноты ко мне подошла миловидная девушка в легком не по сезону плаще и с непокрытой головой. В руке она держала футляр для скрипки. Девушка озябла настолько, что ее зубы выбивали чечетку. «Извините, – сказала она. – Вы не могли бы проводить меня до метро? В этом переулке не горит ни один фонарь, а мне кажется, что там хохочут пьяные парни».

Провожать незнакомую девушку по темным переулкам у меня не было никакого желания. Я достаточно осмотрительный и осторожный человек, чтобы безоглядно пуститься на такую авантюру. В газетах каждый день писали про очень милых девушек, которые заманивали состоятельных мужчин в темные подворотни. Но испуганное и немного наивное личико незнакомки меня настолько обворожило, что я предложил ей доехать до метро на моей машине.

Она согласилась, что сразу сняло с нее все подозрения. Я включил печку и, растягивая время, поехал к метро медленно и по большому кругу. Девушка отогрела руки и открыла футляр. «Я больше не могу ходить на эти занятия, – сказала она. – Надо искать репетитора ближе к дому… Хорошо, что скрипка не промокла, не то папа прибил бы меня». – «Ваш папа антиквар?» – спросил я, кинув взгляд на скрипку. «Нет, – охотно ответила она. – Мой папа академик, доктор филологии. Но это не мешает ему ругать меня самыми обидными словами. А мама, которая могла бы меня защитить, давно умерла».

В общем, я довез ее до дома, в самый центр, хотя мне надо было в Выхино. Мы не расстались. Настя пригласила меня к себе попить чаю. А я взял да и согласился. И в тот же вечер я понял, что я хочу иметь именно такую жену. Но только через три месяца я понял, каким хотел бы видеть мужа своей дочери Аристарх Софронович.

– Ты диссертацию привез? – спросила Настя.

– Да, она уже у моего научного руководителя.

– Заплатил ему?

– Пытался, но он отказался от денег.

– Это плохо, – ответила она, откинула книжку вместе с котом в сторону, энергично поднялась с дивана и приблизилась ко мне. Глаза ее горели огнем и жаждой деятельности. – Имей в виду, пока ты не получишь диплом кандидата наук, отцу о диссертации – ни слова!

– Само собой! – пообещал я.

Глава 5
Www.rifa.ru

Директор свел меня с заказчиком из Сыктывкара, которого я в ресторане раскрутил на контракт. На этой сделке я немного заработал, о чем немедленно доложил Насте. Она, как всегда, отнеслась к моим финансовым удачам равнодушно, заметив при этом, что деньги в отличие от кандидатской диссертации не способствуют приближению счастливого дня свадьбы.

Я с ней согласился, но все же подумал о том, что после замужества даже самые духовно обогащенные особы почему-то резко переводят свой интерес в материально-финансовую область.

Календулов не звонил уже третий день. Думаю, он пребывал в очень плохом настроении в связи с моей диссертацией. Видимо, сутками напролет ломал голову над тем, как бы этот бездарный и антинаучный бред протолкнуть к защите, чтобы получить от меня деньги. «Ничего, – думал я, – пусть трудится. А то привык, наверное, взятки лопатой загребать и при этом ничего не делать».

– Какой-то ты странный в последнее время, – заметил директор, когда зашел ко мне в кабинет и застукал меня читающим «Справочник по физике для поступающих в вузы».

– Кандидатскую пишу, – ответил я, улыбаясь, чтобы невозможно было понять – правду я говорю или шучу.

– Кандидатскую? – удивился директор. Выдернув из моих рук справочник, он посмотрел на обложку. – По-моему, старина, тебе пора в отпуск.

«Вот и хорошо! – подумал я, когда директор вышел. – Информация уже засела у него в голове. Когда я объявлю ему, что стал кандидатом наук, он, по идее, не должен слишком удивиться. Обязательно вспомнит, что про диссертацию я как-то уже ему говорил».

Но куда важнее было убедить в своем кандидатстве будущего тестя. Чтобы подготовить его к перевариванию большой лжи, для начала надо было прикормить маленькой ложью. С этой целью я позвонил ему и попросил заказать мне в библиотеке Академии наук отчеты о последних исследованиях в области газовой динамики. Аристарх Софронович был весьма удивлен моей просьбой и вежливо поинтересовался, на кой ляд преуспевающему спекулянту столь высокие научные труды. Проявляя скромность, я уклончиво ответил, что слишком суеверен для того, чтобы раскрыть эту тайну сейчас.

На четвертый день ожидания звонка от Календулова я уже был готов выложить за кандидатский диплом две тысячи долларов. На мой взгляд, за такие деньги Календулов самолично мог бы написать для меня гарантированный «проходняк».

На исходе четвертых суток я уже стал подумывать о том, что, пожалуй, соглашусь заплатить две с половиной тысячи. Я стоял в очереди на обмывку колес, чтобы загнать машину в гараж, как вдруг в кармане запиликал мобильник. У меня даже мысли не было, что в столь позднее время может позвонить Календулов, тем не менее это был именно он.

У меня даже сердце просело от волнения, словно диссертацию действительно писал я и от ее качества зависела моя дальнейшая карьера.

– Сергей Васильевич, – приглушенным голосом сказал Календулов. – Мы могли бы завтра встретиться с вами?

– Да, конечно, – ответил я, напряженно думая о том, как изящнее спросить о сумме.

– Тогда я буду ждать вас в десять утра.

На этом пришлось разговор закончить. Я так и не нашел подходящих слов, чтобы выяснить, сколько же он намерен с меня содрать. «Ладно, – подумал я. – Три тысячи – и ни

цента больше! На этой сумме буду стоять до последнего! Иначе Настя обойдется мне слишком дорого».

Утром, несмотря на километровые пробки, я без опоздания приехал в академию. Календулов встречал меня в вестибюле. Едва я увидел его лицо, то сразу понял, что диссертация произвела на него шокирующее впечатление. Павел Герасимович смотрел на меня так, как ученый смотрит в микроскоп. Он крепко пожал мне руку, задержав ее в своей ладони больше, чем следовало бы. Мне показалось, что он готовит себя к трудной процедуре объявления суммы.

– Давайте пройдем в буфет, – предложил он. – Студенты сейчас на занятиях, и там никого нет.

Я оставил пальто в гардеробе, чтобы он не подумал, будто у меня во внутренних карманах спрятан диктофон. Пусть говорит со мной откровенно и прямо. Я способен трезво оценить все его доводы.

Мы зашли в буфет. Я взял два кофе и бутерброды с буженины. Календулов, наверное, очень нервничал, поэтому с жадностью накинулся на бутерброды. Я терпеливо ждал, когда он все прожует и заговорит.

– Скажите, – начал он, оторвавшись от чашки и переведя дух. – А вы сами написали эту диссертацию?

– Увы, – ответил я, с трудом сохраняя естественное выражение на лице.

– Вы удивительно скромный человек, – произнес Календулов. – По-моему, вы даже не представляете, что написали.

Я смотрел на Календулова уже с некоторым подозрением. С чего это он так странно заговорил?

– Такой молодой, – не без зависти сказал он, прижимая к губам салфетку. – Сколько вам лет?

– Скоро будет тридцать.

– Тридцать лет! – вздохнул Календулов. – Прекрасный возраст. Я хочу вас от души поздравить.

Он нес что-то не то. Человек, который намеревался урвать как можно больше денег, говорил бы с точностью до наоборот: что я уже немолодой, и лучшие годы прошли для меня даром, и ничего хорошего впереди меня не ждет.

– Я вас не совсем понимаю, – сказал я. – С чем вы хотите меня поздравить?

– С диссертацией! С прекрасной диссертацией!

Я смотрел на Календулова, как на умалишенного. Он меня разыгрывает? Или грубо льстит? Но зачем? Какая ему от этого выгода?

– Вы уверены, что она прекрасная? – с сомнением произнес я.

– Безусловно уверен! – ответил Календулов. – И не только я. Я долго не звонил вам по той причине, что дал посмотреть вашу работу двум ведущим специалистам в области аэродинамики. И они очень высоко ее оценили.

Я смотрел на лицо Календулова, пытаясь намертво ухватить его взгляд, но мне это не удавалось. Было похоже, что я ловил кепкой лягушку на лугу. Я шлеп, а она прыг. Я шлеп, а она прыг.

«Что ж это получается, – думал я с таким чувством, будто Календулов принимал меня за другого человека. Собственно, так оно и было – он принимал меня за физика. – Это что же Чемоданов накалякал такое? Супердиссертацию? И сам об этом не знает?»

Жесткий скептицизм сидел во мне. К своему несчастью, я был слеп и не мог составить собственное мнение о диссертации. Календулов мог заявить, что моя диссертация – это бред сивой кобылы, и я принял бы его оценку с той же неспособностью ее опровергнуть.

– Вы даже не представляете, как я рад! – продолжал Календулов. – Увы, теперь очень редко удается встретить молодых и талантливых ребят. Все таланты ушли в бизнес. Наука оси-

ротела и превратилась в нищенку. А вы – самородок. Вы являете собой тот самый случай, когда человек сам не знает, насколько талантлив и образован…

Кажется, мое лицо начала заливать краска стыда.

– Вы совершенно не нуждаетесь в моей помощи. Вашу диссертацию не надо проталкивать, не надо заранее подкупать ученый совет, обрабатывать особо ретивых оппонентов. Ваша диссертация уже просто сама летит на утверждение! Ее даже слегка придержать надо, как молодого коня.

Я был совершенно сбит с толку. Такого поворота событий я никак не ожидал и не испытывал радости. В моем сценарии была заложена слабая, никому не нужная, практически дебильная диссертация, написанная пожизненным неудачником. И эта диссертация при помощи мощных финансовых вливаний должна была проскочить ВАК[2], родить мне «корочку», а затем бесследно сгинуть в мусорной корзине. И чем меньше людей были бы посвящены в ее содержание, тем спокойнее я козырял бы дипломом кандидата наук перед будущим тестем. Талантливая диссертация создавала мне лишние проблемы. Она слишком высвечивала мою личность и превозносила мое имя. Это был тот редкий случай, когда реклама пошла бы мне во вред.

– По-моему, – произнес я, уставившись на черное донышко чашки, – вы меня перехвалили. Признаться, я не слишком старался, когда писал ее. Тяп-ляп, лишь бы сплавить, лишь бы протолкнуть…

– Это тем более характеризует вас как талантливого ученого, – прервал меня Календулов. – Могу представить, что бы вы написали, если бы очень постарались. Это был бы настоящий фурор в научном мире!

Под стол провалиться со стыда, и только!

– Меня беспокоит, – сказал я, демонстративно глянув на часы, – что защита диссертации может надолго затянуться.

– Нет! – категорически возразил Календулов. – Мы все сделаем достаточно быстро. Есть только одно «но»…

Он выждал паузу, глядя на мой галстук. «Сейчас как скажет, что необходимо провести дискуссию с академиками по газовой динамике с моим участием в прямом эфире телевидения, – подумал я. – Вот народ потешится!»

Лицо Календулова приняло виноватое выражение, с каким просят деньги в метро «нездешние» люди.

– Диссертацию надо чуть-чуть доработать.

Хрен редьки не слаще! Я даже скривился, как от боли.

– А без доработки никак нельзя? – с надеждой в голосе спросил я.

Календулов отрицательно покачал головой:

– Я понимаю, что вы заняты, что у вас нет времени. Но это очень, очень нужно! Вы испекли замечательный пирог. Но осталось добавить последнюю изюминку, последнее маковое зернышко!

– А вы уверены, что игра стоит свеч? – проявил я занудливость. – А если все-таки диссертация достойна лишь мусорной корзины? Какой смысл ковыряться в ней, тратить время?

Календулов откинулся на спинку стула и сложил свои волосатые ручки на животике.

– Какой же вы все-таки скептик! – покачал он головой. – Да ваша диссертация уже в Интернете на сайте академии! И ее читает весь мир!

– Что? В Интернете? – повторил я и прикусил язык. Ох, круто дело развернулось!

– Да! – обрадовался моему удивлению Календулов. – Можете убедиться сами. Откройте наш сайт. Три «дабл ю» – точка – РИФА – точка – «ру».

[2] Высшая аттестационная комиссия, которая присуждает ученую степень и контролирует качество диссертаций.

Отказаться было невозможно. Да и с какой стати я должен был отказываться? Это только вызвало бы ненужные вопросы и подозрения. Молодой и перспективный ученый, какого я из себя корчил, просто обязан был с радостью взяться за «последнее маковое зернышко»!

– Что там надо доработать? – смиренно спросил я.

– В том месте, где вы ссылаетесь на дифференциальное уравнение Эйлера и переходите к уравнению Бернулли…

Он минут пять что-то говорил на совершенно непонятном мне языке, пока я не перебил его.

– Знаете что, – сказал я. – Мне трудно сориентироваться без текста, и голова сейчас ничего не варит. Если вам нетрудно, напишите все это на листочке.

– Хорошо! – согласился Календулов. – Я все подробно изложу и оставлю листок на вахте.

Мы пожали друг другу руки, и я с облегчением вышел вон.

Глава 6
Началось!

Я сидел перед экраном компьютера и шлепал по клавишам. Секретарша Зоя принесла мне кофе, но уйти не торопилась. Села напротив, закинула ногу за ногу.

– Что ты там ищешь? – спросила она.

– Да где-то тут мою диссертацию поместили, – сказал я будничным голосом.

– Диссертацию? – удивилась Зоя, встала, подошла ко мне, заглянула через плечо.

Я перелистывал рубрики. Моя фамилия нигде не значилась. «Может, он напутал чего?» – подумал я и щелкнул по надписи «Разработки молодых ученых академии». И тут сразу увидел знакомый заголовок: «Течение с образованием волн разрежения…»

Мое сердце заколотилось столь сильно, что я испугался, как бы Зоя от стука не оглохла.

– Вот она, – сказал я голосом уставшего от симпозиумов и научных конференций физика.

– Правда? – Зоя изобразила неискренний восторг и склонилась еще ниже. Теперь ее волосы щекотали мне щеку. – А где фамилия?

Фамилии в самом деле не было. Наверное, так было принято – труды соискателей выставлять как общие наработки академии. Мне было даже лучше оставаться инкогнито, чтобы не слишком светиться в научном мире.

– А ты разве что-то понимаешь в физике? – нежно проворковала мне на ухо Зоя, едва не касаясь его губами.

«А ты думала, что только в сексе?» – мысленно ответил я ей. Стоило пару раз сказать Зойке откровенный комплимент, как она стала вести себя в моем кабинете как в собственной спальне.

– Да я в физике с детства души не чаю! – заявил я. – Трехкратный победитель межрайонных и общеевропейских физических олимпиад!

– Правда? – ахнула Зоя. – А я и не знала.

– Так-то, голубушка! – завершил я саморекламу и хлопнул ладонью по столу. – Все, извини! У меня сейчас важная встреча.

Зоя заметно приуныла и вышла. В фирме я слыл среди сотрудниц женихом номер один. Длинноногих «вешалок» у нас было предостаточно, выбирай не хочу. Работали у нас дочери военных, рабочих, бизнесменов, осужденных и даже негров. Но не было ни одной дочери академика, умеющей играть на скрипке. Потому мое сердце было закрыто для сотрудниц наглухо.

Так я и сказал Насте, когда мы, лежа в постели, курили и строили планы на будущее. В старую двухкомнатную хрущевку, доставшуюся мне от родителей, я Настю никогда не приглашал – там было слишком тоскливо. А в новой квартире все еще громыхал ремонт. Потому я использовал любой повод, чтобы заскочить к Насте в гости. Особенно мне нравилось бывать у нее в те вечера, когда профессор задерживался на симпозиумах.

– Мне придется снова ехать к Чемоданову, – сказал я.

– Зачем? – отрывисто спросила Настя, гася окурок в пепельнице.

– Научный руководитель требует какой-то абзац дописать.

– А сам не можешь? – то ли серьезно, то ли издеваясь, спросила Настя.

– Да там одни формулы Бельмондо фон де Фюнеса! На всю диссертацию всего два слова по-русски: «тема» и «содержание».

– Он может снова потребовать деньги, – предположила Настя.

– Ну дам я ему еще десять баксов, пусть подавится! – отмахнулся я.

Тут в дверь позвонили. Я почему-то почувствовал себя героем популярных анекдотов и едва не кинулся к шкафу. Настя накинула халат, нахмурилась и пробормотала: «Кого еще там

принесло?» Она вышла и плотно прикрыла за собой дверь. Я одевался и смотрел в окно, за которым синели сумерки. Тут мне на ум пришел тихий и печально-лирический вывод. Я могу многое. Могу купить квартиру, сделать в ней евроремонт. Могу слетать с Настей в Египет, могу купить ей платье в самом дорогом и престижном бутике. Но никакие деньги не наделят меня способностью самолично написать и защитить диссертацию. А как, должно быть, прекрасен творческий процесс! Какой восторг, какой экстаз испытывает автор, когда слышит восхищенные отклики и признание силы своего ума! И он полон удовлетворения, полон сладкой усталости, и происходит удивительное единение личности с мировым научно-техническим прогрессом…

Я услышал за дверью приглушенные голоса – один женский, а другой мужской. «А какой общий метраж? – вещал женский голос. – А эти окна куда выходят, на север или на юг?» Настя что-то отвечала, но настолько тихо, что я не разобрал ни слова. «Окна у вас деревянные, – тараторила невидимая женщина, – а это плохо. Сейчас, знаете, пластиковые в моде!» – «Пластиковые мы всегда успеем поставить, – вторил ей мужской голос. – Главное, чтобы соседи нормальные были. Не заливают?» – «Так сколько вы за нее просите?» – перебил женский голос.

Настя ответила, но еще более тихо. Затем голоса стихли, а через минуту хлопнула дверь. Может, я чего-то не расслышал, но такие разговоры обычно ведутся при продаже квартиры. Этот вывод меня слегка обескуражил.

Когда Настя зашла в комнату, я ее первым делом спросил:

– Вы разве продаете квартиру?

– Они ошиблись, – ответила Настя, снова забираясь под одеяло. – Им на два этажа ниже… А ты не подслушивай!

– Я не подслушивал, – ответил я, пожимая плечами. – Но вы так орали, что дверь вибрировала.

Настя тотчас перевела разговор на другую тему, но это маленькое событие крепко запало мне в голову и не вываливалось оттуда, пока не произошло еще, на мой взгляд, более странное событие.

Я возвращался к себе домой, на старую квартиру, как запиликал мобильный. Было уже поздно для деловых звонков, и я нежно промурлыкал в трубку в полной уверенности, что это Настя:

– Да, малыш, слушаю тебя!

В трубке раздался шорох, скрип, затем незнакомый мужской голос произнес:

– К сожалению, это не малыш.

– А кто это?

Ошибки с абонентами на сотовой связи особенно неприятны, потому что за них приходится платить.

– Не отключай телефон, – посоветовал голос. – Я твой друг.

– Короче можно? – спросил я, испытывая не совсем приятные чувства от общения с незнакомцем, интонация которого не предвещала хороших новостей.

– Ты еще не защитился? – вкрадчиво поинтересовался голос.

У меня мурашки поползли по коже. «Началось!» – подумал я. Таким тоном мог говорить только человек, знающий о моих махинациях.

– Пока не защитился. Ты доволен? Еще вопросы есть?

«Неужели Чемоданов кому-то проболтался? – думал я. – Но он не знает номера моего телефона!»

– Еще никто не раскрыл твою аферу? – продолжал наслаждаться своей недоступностью и властью незнакомец.

– Укуси трубку и дерни кота за хвост, чтобы получить удовлетворение! – крикнул я и отключил телефон.

Настроение уже было испорчено. Неприятно, когда о твоей тайне узнает тот, кто не должен знать о ней. Вдвойне неприятно, когда не знаешь этого человека. Мне захотелось немедленно выяснить, как это могло случиться. Я набрал номер Насти.

– Настенька, – сказал я в трубку. Голос у моей любимой был сонным, кажется, я ее разбудил. – Вспомни, пожалуйста, ты никому не рассказывала про диссертацию?

– Про диссертацию? – вяло повторила она и наконец пробудилась окончательно. – Странный вопрос! Конечно же, никому! Я что – враг себе?.. А что случилось?

– Не волнуйся, – ушел я от ответа. – Просто мне так показалось.

– Не думай о дурном, – посоветовала Настя. – Никто об этом не может узнать. Да и кому это интересно?

«Вот ты и не права, – подумал я, отключая телефон. – Кому-то это показалось даже очень интересным… Неужели Чемоданову? Прибью физика!»

До самого дома я думал о возможных последствиях. Самое худшее, что мог сделать телефонный «друг», – это настучать про меня Календулову. Но подтвердить, что диссертация написана не мной, мог только Чемоданов. А это не в его интересах.

Я окончательно успокоился на той мысли, что всесилие денег с легкостью уладит даже самый громкий скандал, какой мог бы вспыхнуть в научных сферах.

Глава 7
Собачка, которая чесалась

Надо ли говорить, с каким чувством я ехал к Чемоданову! Погода дополняла мое мрачное настроение. Как и в первый раз, не было ни снега, ни мороза. Грунтовая дорога раскисла, моросил мелкий дождик, щетки безостановочно размазывали по ветровому стеклу грязь. Машина переползала из ямы в яму, словно сытый и уставший от жизни хряк. В довершение всего по радио передавали исключительно гадкие новости. Я скрипел зубами от ненависти к Чемоданову, от которого был зависим. И меня уже не успокаивали мысли о том, что он, безусловно, талантливый ученый и прирожденный исследователь. Я знал одну простую истину: я вынужден идти на поклон к опустившемуся типу, пьянице и дегенерату.

Я уже выезжал из леса и видел тоскливые очертания заброшенного завода, как подал сигнал мобильный телефон. На дисплее значилось, что номер недоступен для определения. После вчерашнего разговора с незнакомцем я воспринимал не определенные звонки с затаенным раздражением.

– Слушаю! – ответил я, прижав трубку к уху, и по долгой паузе и шумному дыханию понял, что это снова «друг».

– Представь ситуацию, – шепотом говорил незнакомец. – Ученый совет принимает защиту, все аплодируют и поздравляют тебя. И вдруг кто-то громко говорит: «Он лжец! Он тупица и негодяй! Он присвоил чужой труд!»

– Послушай, ты, моралист, – произнес я, мысленно проклиная изобретателя телефонов. – Представляешь, как тебе будет больно, когда я тебя найду?

– А зачем меня искать? Я рядом. Можно сказать, что я сижу в тебе. Я твоя совесть…

– Тритон ты болотный, а не совесть, – ответил я. – Чего ты добиваешься? Денег хочешь?

– Ты думаешь, совесть продается за денежки?

Мне показалось, что я уловил знакомые нотки Чемоданова. Неужели это он? И тотчас у меня родилась азартная идея поймать этого засранца с поличным. Я уже подъезжал к поселку, уже видел в тумане абрис его дома. Надо было любой ценой удержать «друга» на связи.

– Давай поговорим по-хорошему, – мягким голосом сказал я. – Почему ты считаешь, что я не имею права купить продукт чужого труда?

– Не-е-ет, – с укоризной прошептал «друг». – Ты его не просто купил. Ты объявил себя его создателем. И потому боишься разоблачения. Ибо это стыдно – неучу рядиться в мантию ученого…

Я въехал во двор, заглушил мотор и, стараясь не производить лишнего шума, вышел из машины. Сигнализация тихо пискнула, но мой оппонент, по-моему, не обратил на этот звук внимания.

– Мне кажется, – сказал я, зайдя в подъезд, – что ты все слишком драматизируешь. В цивилизованном мире так все делают. Например, Япония скупает лицензии на высокие технологии, потом производит телевизоры или магнитофоны, но все по праву считают их японскими.

– Ты подменяешь термин, – с иронией произнес «друг». – При чем здесь производство? Если бы ты был производителем! Но ты хочешь купить себе ученую степень. Абсурд! Ее можно только заработать, заслужить, все равно как воинское звание, орден или титул…

Я уже не отвечал и быстро поднимался по зловонной лестнице, словно на ринг. Третий этаж, четвертый, пятый… Я уже не слушал, о чем бормочет мой собеседник. Жажда расправы над Чемодановым сделала меня глухим и слепым. Не осталось никаких сомнений, что это он играл со мной. Что ж, мы сейчас продолжим нашу дискуссию на тему нравственности.

Отключив телефон, я сунул его в карман и с разбегу обрушился на дверь.

– Чемоданов! – крикнул я. – Открывай, моралист!

Со второй попытки я выломал замок и ввалился в квартиру. В коридоре Витьки нет… В «узбекской» комнате нет…

Я кинулся в захламленную комнатушку, в которой Чемоданов принимал нас с Настей. Вот он, лежит на диване, вытаращив на меня дурные глаза, и подтягивает одеяло к подбородку.

– Что?! Не ждал?! – дрожа от восторга, крикнул я и сорвал с него одеяло.

Чемоданов был в одних трусах. Никакого телефона в его руках не было. У него вообще ничего не было в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.